

В МИРЕ ИСКУССТВА

„Смеясь, исправлять нравы“

ДИАЛОГ АКТЕРА И РЕЖИССЕРА

«Театром Райкина» называют Государственный театр миниатюр: им руководит знаменитый артист, «человек с тысячей лиц» — народный артист СССР Аркадий Райкин.

Недавно эта фамилия появилась на афише нового спектакля — «Импровизация в двух частях. Лица». Но... Аркадий Райкин в нем не участвует. «Лица» — первая самостоятельная работа младшего представителя актерской династии — Константина Райкина и известного театрального режиссера Валерия Фокина.

Для зрелых серьезных человека, имея устойчивое положение в театре, бросаються в заблуждение острады. Что побуждало их сделать такой выбор?

Фокин: Меня твое решение, Костя, не удивило. Я понял, что ты хочешь попробовать силы на новой территории. И я обрадовался, когда ты предложил мне поставить первый спектакль в Театре миниатюр с твоим участием.

Эстрада, в сущности, тот же драматический театр, только другая его грань, иная форма. Актеры напрямую обращаются к зрителям, и они становятся партнерами, соучастниками действия. Эстрада разрешает им провозгласить, смешение жанров и стилей — уже есть опыт создания драматического и даже трагического представления.

Райкин. Однако тебя, привыкшего к добротной драматургии, понечул настоящие отсутствие логически связанного сюжета в пьесе Михаила Мишкина «Лица». Ты был прямо-таки напуган группой молодых актеров, пришедших в труппу с институтской скамьи, их неопытностью, «зеленостью».

Фокин: Но у ребят было большое достоинство: они жаждали дела, ими двигали интуиция, желание, азарт. В итоге создались ансамбли, без которого немислим театр. Я не признаю «звездного солирования» — сцена интересна «командами» — единомышленниками. Даже ты, хотя и ведешь несколько центральных интермедий, не один, а кодин из...

Райкин: И слава богу! У меня, пожалуй, самое сложное положение. Я ношу фамилию, на которую еще не много прав, просто она мне досталась от рождения. И она ко многим обязана. Считаю, сын Аркадия Райкина застрахован от ошибок, без конца сравнивают с отцом, а мое спасение — в непознании. Всю сознательную жизнь учусь у отца трудолюбию, ответственности, мастерству трансформации. Я не копирую его манеру, она принадлежит Аркадию Райкину, ему одному. И потому мне не грозит болезнь зависти... Посмотрю на отца и выдохну: мне надо работать, работать и еще работать. Пока я это seriously, буду расти. В искусстве нельзя пытаться стать ровесник с кем-то, надо стараться быть лучше самого себя. Тогда, может быть, станешь лучше других. Это, казалось бы, простую истину мне помог понять отец.

Фокин: Не только тебе — все нам. Как художественный руководитель театра он много сделал для нас: принял

в труппу дебютантов, еще не зная, на что они способны, дал возможность год (!) работать над спектаклем, в котором не участвовал; не амещивался в ход репетиций, хотя рисковала, понимая, что мы экспериментируем. Его помощь была ненавязчивой, советы деликатными.

Райкин. Да, в жизни он — мягкий, интеллигентный. А на сцене — беспощадеи, осмеивая жуликов, халуг, взяточников. Сатира, бичуя мерзков, отшатывается, одновременно высмеивает из нас хорошее, совершенству нравы, характеры, обычаи. Сатира — не судья, не прокурор, у нее свой кодекс чести, свои критерии.

Фокин: А их не все разделяют. Люди, меняющие свое мнение с податливостью флюида, могут стать общественным бедствием, но неподсудны: бездумные, нежающие помощи, косно мыслящие люди испортить жизнь — но формально не наказуемы. Как бороться с этими нравственными явлениями? Вот тут-то на помощь приходит смех. Он расползает к откровенности, обескураживает, очищает. Люди смеются и по сторонам поглядывают про кого это? Нарокром грешная мысль возникает: может, про меня?

Работая над спектаклем, мы много думали: ради чего бьемся? Чего хотим достичь, высмеивая болтунов и поклонников «легкой любви», спекулянтов и зашоренных ортодоксов? Если у тебя болит душа, когда видишь плохое, если хочешь это плохое искоренить, то сатирическое слово становится твоим оружием. Это не злопыхательская брюзжание и не взгляд со стороны: ты посмотришь — а я ни при чем, я вроде, на Марсе живу. У подлинной сатиры видна боль — твоя, личная. Недаром сатирики — люди грустные.

Райкин: Мне пока нелепо прищипывать себя к сатирикам, но знаю, что они легко ранятся, остро воспринимают недостатки жизни, ее негативные явления. «Лица» обличены в танцевально-музыкальную, легкую форму, а посвящены серьезным проблемам. Спектакль утверждает: истинная ценность для человека — другой человек; возможность познать друг друга — самая большая редкость, никакие другие не сравнятся с ней.

Фокин: Мы говорим обо всем, что мешает найти путь друг к другу — о вещах,

растлаивающем душу, о корыстных отношениях, уродующих людей, хамстве — неприкрытом и заключенном в корректные рамки... Вспоминаю, как на одной из репетиций Аркадий Исаакович Райкин рассказывал: однажды дотошный зритель его терзал — что вы все о плохом да о плохом, хорошего, что ли, нет ничего!

— Вот мы пришли к врачу, — ответил Райкин, — с жалобой: у меня зуб болит. А врач: «Так почему же зуб-то? Остальные 31 в порядке». И отправил домой. Что делать будете? Небось, мыгами затопаете на такого лекаря! Так вот, сатира — то же врачевание: хоть один зуб болит, а лечить надо, а то и вырвать, если он остальные портит.

От человека, чтобы он имел право называться таковым, не так уж много требуется: обладать чувством стыда, уметь воздать славу совести, похвалиться бескорыстием и не поддавать руки бесчестному.

Райкин: Легко сказать — не так уж много! А как это покажет? Как донести до зрителя, без которого театр мертв? Театр — непременно сочетание ремесла, искусства. Творческий зал с невидимыми со сцены лицами дает актер у диалогизм. Не ведь и зритель разный. Есть ленивый, сонный. Не хочешь будоражить себя, он ищет отдохнувший, развлекайся. Наша задача — заставить его проснуться, заставить работать ум.

Фокин: Я бы сравнил актера с музыкантом, который играет на себе самом. Если он хорошо владеет всеми клавишами и струнами, инструмента звучит в полную силу. Партитура спектакля — нервы и эмоции артиста. Вот почему мы удаляем столько внимания техники — мимике, голосу, пластике.

Райкин: Актер — человек ведомый. По отношению к режиссеру он всегда позеи, режиссер — главный в работе. Я благодарен тебе за то, что ты принес из драматического театра вкус, чувство формы, ощущение целостности спектакля.

Фокин: Я думаю, довели, что судьба постоянно сводит нас. С эстрадой я теперь связан крепко — хочется поставить классическую пьесу, драму. Почему бы и нет? Открытость эстрадной площадки, праздничность и раскованность формы дают большие возможности для расширения репертуара.

Театр миниатюр переехал из Ленинграда в Москву, получил статус областного, увеличил труппу, и на его афише вскоре появились новые постановки.

Райкин: Я бы хотел, чтобы мы и впредь работали вместе. Тема человеческого общения неисчерпаема. Узнать друг друга можно, только тратя себя, проливаясь заботами и болью других, постоянно тормозя и беспокоя собственную душу.

Диалог записала
корреспондент АПН
Елена ЗОНИНА.